891.73
T6540

A. III.

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2019 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/osredstvakhpomos01tols

О СРЕДСТВАХЪ ПОМОЩИ

НАСЕЛЕНІЮ,

ПОСТРАДАВШЕМУ ОТЪ НЕУРОЖАЯ.

Льва Толстого.

МОСКВА.
Высочайше утвержд. Т-во Скоропечатни А. А. Левенсонъ. Петровка, д. Левенсонъ.
1892.

891.73
T6540

О средствахъ помощи населенію, пострадавшему отъ неурожая.

Помощь населенію, пострадавшему отъ неурожая, можетъ имѣть двѣ цѣли: поддержанія крестьянскаго хозяйства и избавленія людей отъ опасности заболѣванія и даже смерти отъ недостатка и недоброкачественности пищи.

Достигаетъ-ли этихъ цѣлей помощь, оказываемая теперь въ видѣ выдачи муки отъ 20 до 30 ф. въ мѣсяцъ на ѣдока, считая или не считая работниковъ? Я думаю, что нѣтъ. И думаю я такъ по слѣдующимъ соображеніямъ: Всѣ крестьянскія семьи всей земледѣльческой Россіи можно подвести подъ три типа: 1) богатый дворъ—отъ 8—16 душъ, въ среднемъ 12 душъ семьи, отъ 3—5 работниковъ, въ среднемъ 4. Отъ 3—5 лошадей, въ среднемъ 4. И отъ 3—9 десятинъ наемной земли, въ среднемъ 6. Это богачъ. Такой мужикъ не только кормитъ свою семью своимъ хлѣбомъ, но часто нанимаетъ одного, двухъ работниковъ, скупаетъ землю у бѣдняковъ, ссужаетъ ихъ хлѣбомъ, сѣменами. Все это дѣлается, можетъ быть, и на невыгодныхъ для бѣдняковъ условіяхъ, но результатъ тотъ, что тамъ, гдѣ въ деревнѣ десять процентовъ такихъ богачей,—земля не гуляетъ, и въ нуждѣ все-таки бѣдняку есть средство добыть хлѣба, сѣмянъ, даже денегъ.

Второй типъ—это средній мужикъ, съ большимъ напряженіемъ сводящій концы съ концами при своихъ двухъ надѣлахъ и при одномъ или двухъ работникахъ, и одной, или двухъ лошадяхъ. Этотъ дворъ кормится почти своимъ хлѣбомъ. Чего не достаетъ—добываетъ членъ семьи, живущій на сторонѣ.

И третій типъ—бѣднякъ съ семьей въ 3—5 душъ съ однимъ работникомъ, часто безъ лошади. У этого никогда не хватаетъ своего хлѣба, онъ всякій годъ долженъ придумывать средства извернуться и всегда находится на волоскѣ отъ нищенства, и при малѣйшей невзгодѣ побирается.

Помощь, выдаваемая въ видѣ муки населенію неурожайныхъ мѣстъ, распредѣляется по составленнымъ имущественнымъ спискамъ крестьянскихъ семей. По этимъ спискамъ дѣлаются соображенія о томъ, сколько кому слѣдуетъ выдавать пособія; и

пособіе это выдается только самымъ бѣднымъ, т. е. семьямъ 3-го типа.

Двору перваго типа--богачу и среднему крестьянину, у котораго есть еще нѣсколько четвертей овса, есть 2 лошади, корова, овцы,—не полагается никакой помощи. Но если вникнуть въ положеніе не только средняго, но и богатаго мужика, то нельзя не видѣть, что для поддержанія крестьянскаго хозяйства этимъ-то хозяевамъ болѣе всего нужна помощь.

У богатаго крестьянина, положимъ, остается еще немного ржи, есть 20 или болѣе четвертей овса, есть и 5 лошадей, и двѣ коровы, и 18 овецъ, и, потому что все это еще есть у него, ему не полагается пособія. Но сочтите его приходъ и расходъ, и вы увидите, что онъ въ такой же нуждѣ, какъ и бѣднякъ. Чтобы поддержать свой заведенный кругъ съ наемной землей, ему нужно посѣять около 10 четвертей. То, что у него останется на 40, 50, даже 60 руб. хлѣба,—ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что ему нужно на семью въ 12 душъ. На 12 душъ ему нужно 15 пудовъ по 1 р. 50 к.—22 р. 50 к. на мѣсяцъ, 225 рублей на 10 мѣсяцевъ. Ему нужно кромѣ того 40, 50, 70 рублей на уплату аренды за наемную землю, ему нужны подати. Члены его семьи, живущіе въ людяхъ, въ нынѣшнемъ году или меньше получаютъ, чѣмъ прежде, по дорогому хлѣбу, или вовсе разсчитываются. Ему нужно рублей 350, а онъ не соберетъ и 200, а потому ему остается одно — не нанимать земли, продать сѣмянной овесъ, продать часть лошадей, на которыхъ нѣтъ цѣнъ, т. е. спуститься на степень средняго мужика и даже ниже, потому что у средняго семья меньше.

Но и среднему, если у него есть еще овесъ и лошадь или двѣ,—не даютъ помощи, или даютъ такъ мало, что онъ долженъ продать свою землю исключительнымъ богачамъ, проѣсть овесъ сѣмянной, а потомъ и лошадь. Такъ что, при томъ распредѣленіи помощи, которая существуетъ теперь,—богатый долженъ неизбѣжно спуститься на состояніе средняго, а средній на состояніе бѣднаго. А по условіямъ нынѣшняго года, за исключеніемъ особенныхъ богачей, почти всѣ должны спуститься на эту степень.

Выдача, производимая мукою, не достигая цѣли поддержанія крестьянскаго хозяйства, не достигаетъ и второй цѣли—обезпеченія людей отъ голодныхъ болѣзней. Выдача мукою на душу не достигаетъ этого по слѣдующимъ причинамъ.

Во-первыхъ, потому, что при такой выдачѣ мукою всегда есть возможность для получившаго ее поддаться соблазну и израсходовать, пропить полученное, чего и были, хотя и рѣдкіе, случаи; во-вторыхъ, потому, что, попадая въ руки бѣдныхъ, помощь эта спасаетъ ихъ отъ голода только въ томъ случаѣ, если въ семьѣ есть еще какія-нибудь свои средства. Наибольшая выдача составляетъ

30 ф. на человѣка. И если 30 ф. муки при картофелѣ и какой-нибудь примѣси къ мукѣ для печенія хлѣба можетъ прокормить человѣка въ продолженіи мѣсяца, то—при полной бѣдности, когда не на что купить даже лебеды, чтобы подмѣшать въ хлѣбъ,—30 ф. муки съѣдаются въ видѣ чистаго хлѣба въ 15—20 дней и люди, оставаясь на 10 дней совершенно голодными, могутъ заболѣвать и даже умирать отъ недостатка пищи. Въ-третьихъ, выдача муки въ бѣдныя семьи, даже и въ такія, въ которыхъ еще есть свои средства, не достигаетъ своей цѣли обезпеченія людей отъ голодныхъ болѣзней потому, что въ семьѣ, гдѣ сильные люди легко переносятъ дурную пищу,—слабые, старые и малые заболѣваютъ отъ недостатка и недоброкачественности пищи.

Во всѣхъ мѣстностяхъ, пораженныхъ неурожаемъ, всѣ—и богатыя и бѣдныя семьи—ѣдятъ хлѣбъ дурной съ лебедой. (Странно сказать:—теперь, въ большей части случаевъ, самые бѣдняки при полученіи хлѣба отъ земства ѣдятъ хлѣбъ чистый, тогда какъ въ богатыхъ семьяхъ ѣдятъ почти всѣ съ лебедой, съ отвратительной незрѣлой лебедой нынѣшняго года) [1].

И постоянно случается то, что сильные члены богатой семьи переносятъ лебедный хлѣбъ, а слабые, старые, больные прямо чахнутъ и мрутъ отъ него.

Такъ, приходитъ больная женщина изъ богатаго двора, принося въ рукѣ комокъ черной лебедной лепешки, составляющей ея главную пищу и просясь въ столовую только потому, что она больна, и то только на время своей болѣзни.

Другой примѣръ: прихожу къ мужику, который не получаетъ пособія и считается богатымъ. Ихъ двое съ женой, безъ дѣтей. Застаю ихъ за обѣдомъ. Картофельная похлебка и хлѣбъ съ лебедой. Въ квашнѣ новый хлѣбъ, еще съ большей примѣсью лебеды. Мужъ съ женой веселы и бодры, но на печи старуха, которая больна отъ лебеднаго хлѣба, и говоритъ, что лучше разъ въ день ѣсть, только бы поѣсть хорошаго хлѣбца, а то этотъ душа не принимаетъ.

Или третій примѣръ: приходитъ баба изъ богатаго двора просить о томъ, чтобы допустить въ столовую ея 13-тилѣтнюю дочь, потому что ее не кормятъ дома. Дочь эта прижита незаконно и, вслѣдствіе этого, ее не любятъ и не даютъ ей ѣсть вволю. Примѣровъ такихъ очень много, и потому выдача пособія мукою на руки не обезпечиваетъ старыхъ, слабыхъ и нелюбимыхъ членовъ семьи

---

[1]) То, что нынѣшній годъ лебеду вездѣ употребляютъ въ пищу, можно объяснить только преданіемъ, тѣмъ, что ее ѣдали прежде,—и пословица есть о томъ, что «не бѣда, что во ржи лебеда»,—и тѣмъ, что она родилась въ ржаномъ полѣ и вымолочена вмѣстѣ съ рожью. Мнѣ кажется, что еслибы не было преданія и не была бы она въ ржаномъ полѣ, то скорѣе бы мѣшали въ хлѣбъ солому овсяную, опилки, чѣмъ это вредное вещество. А ее мѣшаютъ вездѣ.

отъ болѣзней и умиранія, вслѣдствіе недоброкачественности и недостатка пищи.

Какъ ни больно высказать это, несмотря на ту замѣчательную энергію и даже самоотверженіе большинства земскихъ дѣятелей, дѣятельность ихъ, состоящая въ раздачѣ пособій хлѣбомъ, не достигаетъ—ни цѣли поддержанія крестьянскаго хозяйства, ни предупрежденія возможности болѣзней отъ голода.

Но если то, что дѣлается теперь, не хорошо, то что же хорошо? Что же нужно дѣлать?

Нужны, по моему мнѣнію, двѣ вещи: для хоть не поддержанія крестьянскаго хозяйства, а противодѣйствія его окончательному разоренію,—учрежденіе работъ для всего могущаго работать населенія и—устройство во всѣхъ деревняхъ голодающихъ мѣстъ даровыхъ столовыхъ для малыхъ, старыхъ, слабыхъ и больныхъ.

Учрежденіе работъ должно быть такое, чтобы работы эти были доступны, знакомы и привычны населенію, а не такія, которыми никогда не занимался или даже не видывалъ народъ, или такія, при которыхъ тѣмъ членамъ семей, которые никогда не уходили, надо уходить изъ дома, что по семейнымъ и еще другимъ условіямъ (какъ отсутствіе одежды) часто невозможно сдѣлать. Работы должны быть такія, чтобы кромѣ внѣдомашнихъ работъ, на которыя пойдутъ всѣ привыкшіе и могущіе ходить на заработки работники, домашними работами могло быть занято все населеніе голодающихъ мѣстностей—мужчины, женщины, свѣжіе старики, подростки-дѣти.

Бѣдствіе нынѣшняго года заключается не только въ недостаткѣ хлѣба, но и въ неменьшемъ совершенномъ недостаткѣ не только заработковъ, но прямо работы,—въ принужденной праздности нѣсколькихъ милліоновъ населенія. Если хлѣбъ, нужный для прокормленія населенія, есть подъ руками, т. е. можетъ быть доставленъ туда, гдѣ онъ нуженъ, за доступную цѣну, то голодающій народъ могъ бы самъ выработать себѣ этотъ хлѣбъ, будь только у него возможность работы, матеріалъ для работы и сбытъ. Если же у него не будетъ этой возможности, сотни милліоновъ будутъ безвозвратно потрачены на раздачи даровыхъ пособій, но бѣдствіе все-таки не будетъ устранено. Но дѣло не въ одной матеріальной тратѣ: праздность цѣлаго населенія, получающаго даровую пищу, имѣетъ страшное развращающее вліяніе.

Работы внѣдомашнія могутъ быть учреждены самыя разнообразныя, и на зимнее и, тѣмъ болѣе, на лѣтнее время, и дай Богъ, чтобы какъ можно скорѣе и какъ можно въ большихъ размѣрахъ были учреждены эти работы. Но, кромѣ этихъ большихъ отхожихъ работъ, предоставленіе народу возможности, не выходя изъ дома и изъ своихъ привычныхъ условій, работать свою привыч-

ную работу и сбывать ее, хотя бы по самой дешевой цѣнѣ,—есть дѣло настоятельной необходимости и огромной важности.

Въ деревняхъ неурожайныхъ мѣстъ не родились ни конопля, ни ленъ; овцы почти всѣ проданы, и у бабъ нѣтъ пряжи, нѣтъ тканья. Бабы, дѣвушки, старухи, обыкновенно занятыя, сидятъ безъ дѣла. Мало того, мужики, оставаясь дома и не имѣя денегъ для покупки лыкъ, тоже сидятъ безъ своей обычной зимней работы—плетенія лаптей. Ребята тоже болтаются безъ дѣла, такъ какъ школы большей частью закрыты. Населеніе, имѣя передъ собою только тяжелыя представленія о болѣе увеличивающейся нуждѣ, лишенное привычнаго и болѣе чѣмъ когда-либо необходимаго имъ средства разсѣянія и забвенія—работы, сидитъ цѣлыми днями, сложа руки, перебирая разные слухи и предположенія о выдаваемой и имѣющей выдаваться помощи, а, главное, о своей нуждѣ; „Скучаютъ, тоскуютъ, оттого больше и болѣютъ"—сказалъ мнѣ умный старикъ.

Не говоря уже объ экономическомъ значеніи работы для нынѣшняго года, нравственное значеніе ея огромно. Работа, какая-нибудь работа, которая могла бы занять всѣхъ праздныхъ нынѣшній годъ людей, составляетъ самую настоятельную необходимость.

Пока не будутъ еще устроены тѣ большія работы, о каковыхъ были разные, весьма разумные проекты, которые теперь, какъ слышно, учреждаются, и которые принесутъ огромную пользу, если только при учрежденіи ихъ примутся во вниманіе привычки и удобства населенія,—еслибы только во всѣхъ неурожайныхъ деревняхъ дать возможность всѣмъ остающимся людямъ работать привычную работу,—мужчинамъ хоть только плести лапти, а женщинамъ прясть и ткать, и дать возможность продавать и то и другое, что пріобрѣталось бы этимъ трудомъ, то и это было бы, если и не поддержкой крестьянскому хозяйству, то по крайней мѣрѣ большой задержкой въ его упадкѣ. Если допустить, что будетъ найдено помѣщеніе холсту хоть по 8 к. аршинъ (а помѣщеніе возможно въ огромныхъ количествахъ) и будутъ скупаться лапти, которые могутъ сохраняться годами, по 10 к. за пару, то заработокъ каждаго человѣка будетъ, самое меньшее, около 5 к., т. е. 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ. Если при этомъ допустить, что въ каждой семьѣ, въ среднемъ, не болѣе $1/4$ членовъ, не могущихъ работать, то окажется, что на каждое лицо въ семьѣ будетъ заработано $450/4$, т. е. 1,12 к., т. е. значительно больше того, что теперь съ такимъ напряженіемъ, ссорами, спорами и вызывая такое всеобщее неудовольствіе—выдается отъ земства.

Таковъ бы былъ разсчетъ, еслибы работалась самая дешевая и несомнѣнно доступная и извѣстная всѣмъ деревенскимъ жителямъ работа.

Средства получились бы бо̀льшія, чѣмъ тѣ, которыя теперь получаются отъ даровой или заимообразной выдачи, не было бы

той неразрѣшимой трудности распредѣленія и, главное, того недовольства, которое вызывается душевою выдачею.

Для достиженія этого нужно бы было только затратить не очень большія суммы на покупки матеріала для работъ—льна и лыкъ—и обезпечить помѣщеніе этихъ произведеній.

Устройствомъ такихъ работъ, доставленіемъ бабамъ прядева—и продажей вырабатываемаго ими тканья уже занимаются многіе люди, хотя еще и въ очень малыхъ размѣрахъ. Мы тоже начали это дѣло, но до сихъ поръ не получили еще выписаннаго льна, шерсти и лыкъ. Предложеніе наше крестьянамъ заняться работою—на продажу—лаптей и холста встрѣчалось вездѣ съ восторгомъ. „Хоть три копѣйки въ день выработать, все лучше, чѣмъ безъ дѣла сидѣть“, говорили намъ.

Само собою разумѣется, что все это относится только до 5 зимнихъ мѣсяцевъ; въ остальные 4 лѣтніе мѣсяцы, до новины, работы могли бы быть гораздо болѣе производительны.

Для достиженія цѣли, если не поддержки крестьянскаго хозяйства, то хотя задержанія его разоренія, есть, по моему мнѣнію, только это средство—устройство работъ.

Для достиженія же второй цѣли—спасенія людей отъ заболѣваній вслѣдствіе дурной пищи и недостатка ея, по моему мнѣнію, единственное несомнѣнное средство есть устройство въ каждой деревнѣ даровой столовой, въ которой каждый человѣкъ могъ бы насытиться, если онъ голоденъ.

Устройство такихъ столовыхъ начато нами уже болѣе мѣсяца тому назадъ и до сихъ поръ ведется съ успѣхомъ, превзошедшимъ наши ожиданія. Столовыя устроились слѣдующимъ образомъ:

Въ поѣздкѣ моей въ Епифанскій уѣздъ въ концѣ сентября я встрѣтилъ моего стараго друга, И. И. Раевскаго, которому я передалъ мое намѣреніе устроить столовыя въ голодающихъ мѣстностяхъ. Онъ пригласилъ меня поселиться у него и, не отрицая всякой другой формы помощи, не только одобрилъ мой планъ устройства столовыхъ, но взялся помогать мнѣ въ этомъ дѣлѣ и, съ свойственной ему любовью къ народу, рѣшительностью и простотой пріемовъ, тотчасъ же, еще до нашего переѣзда къ нему, началъ это дѣло, открывъ около себя шесть такихъ столовыхъ. Пріемъ, употребленный имъ, состоялъ въ томъ, что онъ, по самымъ бѣднымъ деревнямъ, предложилъ вдовамъ или самымъ бѣднымъ жителямъ кормить тѣхъ, которые будутъ ходить къ нимъ, и выдалъ имъ отъ себя нужную для того провизію. Староста же съ уполномоченными составилъ списокъ дѣтей и старыхъ людей, подлежащихъ кормленію въ столовыхъ, и въ 6 деревняхъ открылись столовыя. Столовыя эти, несмотря на то, что онѣ открыты были одними старостами и прикащикомъ Раевскаго, безъ его личнаго наблюденія, шли очень хорошо и продержались около мѣ-

сяца. Ко времени же нашего переѣзда сюда, совпавшаго съ первой выдачей пособія отъ правительства, 5 столовыхъ закрылись, такъ какъ лица, ходившія въ нихъ, стали получать мѣсячину и потому какъ бы не нуждались въ двойной помощи. Очень скоро, однако, несмотря на выдачу пособія, нужда такъ увеличилась, что почувствовалась необходимость возобновленія закрывшихся столовыхъ и открытія новыхъ. Въ продолженіи проведенныхъ нами здѣсь 4 недѣль открыто нами 30 столовыхъ. Сначала мы открывали ихъ по собираемымъ свѣдѣніямъ о наиболѣе бѣдствующихъ деревняхъ, теперь же, уже болѣе недѣли, съ разныхъ сторонъ намъ заявляютъ просьбы объ открытіи новыхъ столовыхъ, которыя мы уже не успѣваемъ удовлетворять.

Дѣло открытія столовыхъ состоитъ въ слѣдующемъ,—мы, по крайней мѣрѣ, поступали такъ:—узнавъ про болѣе нуждающуюся деревню, мы пріѣзжаемъ въ нее, идемъ къ старостѣ и, объявивъ о нашемъ намѣреніи, приглашаемъ кого нибудь изъ стариковъ и спрашиваемъ про имущественное состояніе дворовъ съ одного края деревни до другого. Староста, его жена, старики и еще кто-нибудь, изъ любопытства зашедшій въ избу, описываютъ намъ состояніе дворовъ. „Ну, съ лѣваго края: Максимъ Антохинъ. Какъ этотъ?“—„Этотъ плохъ. Ребята, самъ семъ. И хлѣба давно нѣтъ. Отъ этого стоитъ ходить старухѣ да мальчику.“ Записываемъ—отъ Максима Антохина двухъ. Дальше:—Ѳедоръ Абрамовъ:„Тоже плохи. Ну все можетъ кормиться.“ Но вмѣшивается старостиха и говоритъ, что плохъ и этотъ, и стоитъ взять мальчика. Дальше идетъ старикъ, Николаевскій солдатъ. „Вовсе съ голода помираетъ“. Демьянъ Сапроновъ. „Эти прокормятся“... И такъ обсуживается вся деревня. Доказательствомъ того, съ какою правдивостью и безъ сословнаго чувства крестьяне опредѣляютъ нуждающихся, видно изъ того, что, не смотря на то, что многіе крестьяне были не допущены въ первой же деревнѣ, въ деревнѣ Татищевѣ, Рыхотской волости, въ которой мы открывали столовую, въ число несомнѣнно бѣдныхъ, которыхъ нужно принять въ столовую, были назначены крестьянами безъ малѣйшаго колебанія вдова попадья съ дѣтьми и дьячиха. Такимъ образомъ, всѣ перечисляемые дворы раздѣляются обыкновенно по показаніямъ старосты и сосѣдей на три сорта: на несомнѣнно плохіе, изъ которыхъ нѣкоторымъ лицамъ слѣдуетъ ходить въ столовую, на несомнѣнно хорошіе—такіе, которые сами прокормятся, и на такіе, въ которыхъ есть сомнѣніе. Сомнѣніе это обыкновенно разрѣшается количествомъ людей, ходящихъ въ столовую. Кормить болѣе 40 людей становится уже тяжело хозяевамъ. И потому, если число ходящихъ менѣе 40, то сомнительные принимаются, если же болѣе, то приходится отказывать. Обыкновенно нѣкоторыя лица, несомнѣнно подлежащія кормленію въ столовыхъ, оказываются пропущенными,

и по мѣрѣ заявленія дѣлаются измѣненія и прибавленія. Если же набирается въ одной деревнѣ очень много несомнѣнно нуждающихся, то открывается въ той же деревнѣ другая, а иногда и третья столовая.

Въ общемъ какъ въ нашихъ столовыхъ, такъ и у сосѣдки нашей, Н. Ф., ведущей дѣло независимо отъ насъ, количество людей, кормящихся въ столовой, всегда составляетъ $^1/_3$ всѣхъ наличныхъ душъ.

Охотниковъ держать столовую, т. е. печь хлѣбы, готовить, варить, служить обѣдающимъ, за право тутъ же кормиться и топиться, очень много—почти всѣ дворы. До такой степени всѣ охотятся держать столовыя, что въ обѣихъ первыхъ деревняхъ, въ которыхъ мы открывали столовыя, старосты, оба богатые крестьяне, предлагали сдѣлать у себя столовыя. Но такъ какъ держащій столовую совершенно обезпеченъ и топливомъ и пищей, то мы обыкновенно выбираемъ самыхъ бѣдныхъ, только бы они были въ серединѣ деревни, такъ чтобы не далеко было ходить съ обоихъ концовъ. На помѣщеніе мы не обращаемъ вниманія, такъ какъ и въ самой крошечной 6-аршинной избѣ свободно кормится отъ 30 до 40 человѣкъ.

Слѣдующее затѣмъ дѣло въ томъ, чтобы отпустить продовольствіе на каждую столовую. Дѣло это дѣлается такъ. Въ одномъ мѣстѣ, находящемся въ центрѣ столовыхъ, устраивается складъ всѣхъ нужныхъ припасовъ. Такимъ складомъ была для насъ сначала экономія Раевскаго, но при расширеніи дѣла устроены, или скорѣе избраны теперь, три другіе склада, въ имѣніяхъ зажиточныхъ помѣщиковъ, тамъ гдѣ есть и амбары, и нѣкоторые продажные предметы продовольствія.

Какъ скоро выбрано помѣщеніе столовой и переписаны лица, имѣющія приходить въ нее,—назначается день, въ который хозяева столовыхъ или очередная подвода пріѣзжаютъ за запасами. Такъ какъ теперь, при большомъ числѣ столовыхъ, хлопотно выдавать каждый день,—опредѣлены два дня въ недѣлю, вторникъ и пятница, въ которые выдается провизія.

Въ складѣ выдается хозяину столовой книжка, т. е. тетрадка, слѣдующей формы:

Заборная книжка по № столовой.

Число и мѣсяц	У кого открыта.	Мука.	Отруб.	Карт.	Капуст.	Свекла.	Овсянк.	Дрова.	Соль.	Число ѣдоковъ.
3 ноября.	Лукерьи Котовой.	4 п.	2 п.	30 к.	6 п.	2 п.	1 п.	10 п.	10 ф.	

По этой книгѣ получается провизія и записывается.

Кромѣ провизіи въ одинъ опредѣленный день изъ всѣхъ деревень, въ которыхъ есть столовыя, ѣздятъ подводы за топливомъ: сначала это былъ торфъ, теперь, такъ какъ торфа больше нѣтъ, дрова. Въ тотъ-же день, когда забрана провизія, ставятся хлѣбы, а на третій открываются столовыя. Вопросъ о посудѣ для варки, о чашкахъ, ложкахъ, столахъ разрѣшается самими хозяевами столовыхъ. Каждый хозяинъ употребляетъ свою посуду. А чего нѣтъ онъ достаетъ у тѣхъ, которые ходятъ къ нему. Ложки носитъ каждый свою.

Первая столовая открылась у слѣпого старика съ женой и сиротами-внуками. Когда я, въ первый день открытія этой столовой, въ 11 часовъ, пришелъ въ избу къ слѣпому, у бабы уже было все готово. Хлѣбы вышли изъ печи и лежали на столѣ и на лавкахъ. Въ истопленной и закрытой заслонкой печи стояли щи, картошки и свекольникъ.

Въ избѣ кромѣ хозяевъ были двѣ сосѣдки и одна старуха бездомная, которая тутъ-же попросилась перейти въ эту избу съ тѣмъ, чтобы здѣсь и кормиться и жить въ теплѣ. Народа еще не было. Оказалось, что дожидались насъ, не повѣщали. Мальчикъ и мужикъ вызвались повѣстить. Спрашиваю у хозяйки— какъ-же всѣ усядутся? „Да ужъ я устрою, какъ должно, будьте спокойны“—говоритъ хозяйка. Хозяйка эта—коренастая женщина лѣтъ 50, съ робкимъ и безпокойнымъ, но умнымъ взглядомъ. Она до открытія столовой побиралась и тѣмъ кормилась съ семьей. Про нее ея враги говорятъ, что она пьяница. Но, не смотря на эти наговоры, она располагаетъ къ себѣ своимъ отношеніемъ къ сиротамъ, внукамъ ея мужа, и къ самому несчастному, чуть живому, слѣпому старику, лежащему на нарахъ. Мать этихъ сиротъ умерла годъ тому назадъ, отецъ бросилъ дѣтей, ушелъ въ Москву и тамъ завихрился. Дѣти—мальчикъ и дѣвочка—очень красивыя, особенно мальчикъ лѣтъ 8, не смотря на бѣдность, хорошо одѣты и обуты, и жмутся къ бабушкѣ и требовательны къ ней, какъ бываютъ требовательны балованныя дѣти.

„Все будетъ, какъ надо, — говоритъ хозяйка — и столъ достану. А какіе не усядутся — послѣ поѣдятъ“. Хлѣбовъ, — сообщаетъ она мнѣ, — вышло 9 изъ 4 пудовъ и кромѣ того затерла квасъ. Только съ торфомъ измучилась, говоритъ она. Не горитъ. Ужъ своей соломки попадергала съ сарая. Раскрыла сарай, а то торфъ не горѣлъ“. Такъ какъ мнѣ тутъ дѣлать нечего, я иду за оврагъ, въ столовую другой деревни, боясь, что и тамъ меня дожидаются. И дѣйствительно, и здѣсь дожидали. И здѣсь то-же самое, тотъ-же запахъ горячаго хлѣба, тѣ-же ковриги по столамъ и лавкамъ, и тѣ-же чугунъ и горшки въ печи и любопытный народъ въ избѣ. Также добровольцы бѣгутъ повѣщать.

Поговоривъ съ хозяйкой, которая также жалуется на то, что торфъ не горитъ, что ей пришлось исколоть корыто, чтобы испечь хлѣбушки, я иду назадъ въ первую столовую, думая, что встрѣтятся какія нибудь недоразумѣнія или затрудненія, которыя надо будетъ устранить. Прихожу къ слѣпому. Изба полна народа и кишитъ сдержаннымъ движеніемъ, какъ лѣтнею ночью открытая колодка пчелъ. Изъ двери валитъ паръ. Пахнетъ хлѣбомъ и щами и слышно чавканіе. Изба крошечная, темная, два крошечныя окошечка, и то съ обоихъ боковъ толсто заваленныя навозомъ снаружи. Полъ земляной, очень неровный. Такъ темно, особенно отъ народа, спинами загораживающаго окна, что сначала ничего не разглядишь. Но несмотря на эти неудобства и тѣсноту, столъ идетъ въ величайшемъ порядкѣ. Вдоль лицевой стѣны, налѣво отъ двери, два стола, вокругъ которыхъ со всѣхъ сторонъ степенно сидитъ обѣдающій народъ. Въ глубинѣ избы—отъ наружной стѣны къ печкѣ—хоры, на которыхъ уже не лежитъ, а сидитъ, обнявъ руками худыя голени, изможженный слѣпой, слушая говоръ и звуки ѣды. Направо, въ свободномъ углу передъ устьемъ печи, стоятъ хозяева и добровольныя помощницы. Всѣ они слѣдятъ за нуждами обѣдающихъ и служатъ имъ.

За столомъ, въ переднемъ углу подъ образами, Николаевскій солдатъ, потомъ деревенскій старикъ, потомъ старушка, потомъ дѣти. За вторымъ столомъ, ближе къ печи, спиной къ простѣнку, жалкаго вида попадья, кругомъ дѣти—мальчики и дѣвочки и дочь попадьи, взрослая дѣвушка. На каждомъ столѣ чашка со щами, и обѣдающіе хлебаютъ, закусывая теплымъ душистымъ хлѣбомъ. Чашки со щами опоражниваются. „Кушайте, кушайте“, весело и гостепріимно, подавая черезъ головы ломти хлѣба, говоритъ хозяйка. „Еще налью.... Нынче только щи, да картошки,—говоритъ она мнѣ, — свекольникъ не поспѣлъ. Къ ужину будетъ.“ Старая, чуть живая старушка, стоящая у печи, проситъ меня давать ей на домъ хлѣба, она нынче насилу дотащилась, а каждый день ходить не можетъ, а мальчикъ ея тутъ ѣстъ, такъ онъ носить будетъ. Хозяйка отрѣзаетъ ей кусокъ. Старуха бережно прячетъ его за пазуху и благодаритъ, но не уходитъ. Дьячиха, бойкая женщина, стоящая у печи и помогающая хозяйкѣ, словоохотливо и бойко благодаритъ за свою дѣвочку, которая тутъ-же ѣстъ, сидя у стѣнки, и робко проситъ, нельзя-ли и ей самой, дьячихѣ, тутъ поѣсть. „Давно уже и не пробовала хлѣбушка чистаго, намъ вѣдь это, какъ медъ, сладко“.

Получивъ разрѣшеніе, дьячиха крестится, перелѣзаетъ черезъ доску, перекинутую со скамьи на лавку. Мальчикъ сосѣдъ съ одной стороны и старушка съ другой сторонятся, и дьячиха усаживается. Хозяйка подаетъ ей хлѣбъ и ложку. Послѣ первой перемѣны щей подается картошка. Изъ солонки каждый насыпаетъ себѣ на столъ

кучку соли и макаетъ въ эту соль очищенный картофель. Все это —и служеніе за столомъ, и приниманіе пищи, и размѣщеніе людей—совершается неторопливо, прилично, благолѣпно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ привычно, что какъ будто это то самое, что всегда дѣлалось, дѣлается и не можетъ иначе дѣлаться. Что-то въ родѣ природнаго явленія. Покончивъ картошки и бережно отложивъ оставшіеся кусочки хлѣба, Николаевскій солдатъ первый встаетъ и вылѣзаетъ изъ-за стола, и всѣ за нимъ встаютъ, поворачиваются къ образамъ и молятся, потомъ благодарятъ и выходятъ. Дожидавшіеся очереди неторопливо занимаютъ ихъ мѣста, и хозяйка вновь рѣжетъ хлѣбъ и наливаетъ вновь чашки щами.

Совершенно то-же самое было и во второй столовой; особеннаго было только то, что народу было очень много, до 40 человѣкъ, а изба была еще темнѣе и меньше первой. Но то-же приличіе посѣтителей, то-же спокойное и радостное, нѣсколько гордое отношеніе хозяйки къ своему дѣлу. Здѣсь хозяинъ мущина служилъ, помогая матери, и дѣло шло еще скорѣе. Такъ-же все происходило и во всѣхъ другихъ столовыхъ, устроенныхъ нами, съ тѣми-же благолѣпіемъ и естественностью. Въ нѣкоторыхъ усердныя хозяйки приготавливали три и даже четыре перемѣны: свекольникъ, щи, похлебка, картофель.

Дѣло столовыхъ дѣлается такъ же просто, какъ и многія мужицкія работы, въ которыхъ всѣ подробности, очень сложныя, предоставляются самимъ крестьянамъ. Въ извозѣ, напримѣръ, на который нанимаютъ мужиковъ, ни одинъ наниматель не заботится ни о веретьяхъ, ни о шпилькахъ, ни о пехтеряхъ и ведрахъ, и о многомъ другомъ, необходимомъ для извоза. Подразумѣвается, что все это будетъ устроено самими крестьянами: и дѣйствительно, все это всегда и вездѣ, однообразно и толково и просто устраивается самими крестьянами, не требуя никакого участія и вниманія нанимателя. Такъ точно это дѣлается и въ столовыхъ.

Всѣ подробности дѣла исполняются самими хозяевами столовыхъ и такъ твердо, обстоятельно, что для учредителя остаются только общія дѣла, касающіяся столовыхъ. Такихъ дѣлъ для учредителя столовой остается главныхъ—четыре: 1) приготовленія продовольствія въ центрѣ, изъ котораго можно отпускать его въ разныя столовыя, 2) наблюденія за тѣмъ, чтобы запасы напрасно не тратились, 3) наблюденіе за тѣмъ, чтобы не были какъ-нибудь забыты люди, наиболѣе нуждающіеся, и замѣнены такими, которые могутъ обойтись безъ даровой пищи, и 4) испытыванія и примѣненія въ столовыхъ новыхъ малоупотребительныхъ пищевыхъ средствъ, какъ горохъ, чечевица, просо, овесъ, ячмень, разнаго сорта хлѣбовъ, жмыховъ и др.

Довольно много хлопотъ доставило намъ распредѣленіе людей, получающихъ мѣсячину. Нѣкоторые изъ членовъ семьи, получа-

ющихъ недостаточное количество, допускались, нѣкоторые отдавали свою мѣсячину въ столовыя съ тѣмъ, чтобы кормиться въ нихъ. При этомъ мы руководствуемся слѣдующими соображеніями: при равномѣрной выдачѣ, какъ это дѣлается въ нашей мѣстности, 20 ф. на человѣка, мы принимаемъ преимущественно изъ большихъ семей. При недостаточной выдачѣ, каковы 20 ф. на мѣсяцъ, чѣмъ больше семья, тѣмъ больше совсѣмъ необезпеченныхъ пропитаніемъ людей.

Теорія столовыхъ поэтому такая: для того, чтобы открыть отъ десяти до двадцати столовыхъ, для прокормленія отъ трехъ-до восьми сотъ человѣкъ, необходимо въ центрѣ этой мѣстности собрать продовольственные запасы. Такимъ центромъ всегда можетъ быть зажиточная помѣщичья усадьба.

Продовольственные запасы на такое количество, положимъ 500 человѣкъ, будутъ состоять (если разсчитывать вести столовыя до новины), считая по фунту смѣси муки съ отрубями на человѣка на 300 дней, на 500 человѣкъ будетъ 150.000 фунтовъ, или 3750 пудовъ, или 2500 п. ржи и 1200 отрубей; столько-же пудовъ картофеля, 12 саж. дровъ, 1000 пудовъ свеклы и 25 пудовъ соли. 2000 кочней капусты и 800 пудовъ овсянки. (Стоимость всего этого составляетъ по существующимъ цѣнамъ 5800 рублей, т. е., съ увеличеніемъ расхода на овсяный кисель, по *1 р. 16 к. на человѣка*). Устроивъ такой складъ, вокругъ него, на разстояніи 7—8 верстъ въ окружности, можно открывать до 20 столовыхъ, которыя будутъ запасаться въ этомъ складѣ. Открывать столовыя надо прежде всего въ самыхъ бѣдныхъ деревняхъ. Помѣщеніе для столовой надо выбирать у одного изъ самыхъ бѣдныхъ жителей. Посуду и все нужное для изготовленія пищи и стола надо предоставлять самимъ хозяевамъ столовой. Списокъ лицъ, подлежащихъ хожденію въ столовую, надо составлять съ помощью старосты и, если можно, зажиточныхъ крестьянъ, не посылающихъ своихъ семейныхъ въ столовую. Наблюденіе за столовыми, если бы ихъ было очень много, можетъ быть предоставлено самимъ крестьянамъ. Но, само собою разумѣется, что чѣмъ больше участія примутъ люди, открывающіе столовыя, въ этомъ дѣлѣ, чѣмъ тѣснѣе будутъ ихъ отношенія какъ къ хозяевамъ, такъ и къ посѣтителямъ столовыхъ,—тѣмъ лучше будетъ идти это дѣло, тѣмъ меньше будетъ траты, меньше неудовольствій, тѣмъ лучше будетъ пища. И, главное, тѣмъ радостнѣе будетъ настроеніе людей. Но смѣло можно сказать, что даже при самомъ далекомъ наблюденіи, при предоставленіи ихъ самихъ себѣ, столовыя будутъ удовлетворять потребности и, вслѣдствіе наблюденія за ними самихъ заинтересованныхъ крестьянъ, напрасной траты провизіи будетъ никакъ не больше, чѣмъ на 10%, если только можно назвать напрасной тратой то, что люди унесутъ съ собой хлѣбъ, или

отдадутъ его тѣмъ, у кого его нѣтъ. Такова теорія устройства столовыхъ и всякій, кто захочетъ приложить ее, увидитъ, какъ легко и естественно дѣлается это дѣло.

Выгоды и невыгоды столовыхъ слѣдующія:

Невыгода столовыхъ, во первыхъ, та, что продовольствіе въ нихъ обходится нѣсколько дороже, чѣмъ при выдачѣ муки на руки. Если пособія выдаются даже и по 30 фун. муки на ѣдока, то въ столовыхъ выходятъ тѣ же 30 фун. муки и сверхъ того приварокъ: картофель, свекла, соль, топливо и теперь еще овсянка. Невыгода эта, не говоря уже о томъ, что столовыя болѣе обезпечиваютъ людей, чѣмъ выдача на руки, выкупается тѣмъ, что при введеніи новыхъ, дешевыхъ и здоровыхъ пищевыхъ средствъ, какъ-то чечевицы, гороху въ разныхъ видахъ, овсянаго киселя, свеклы, кукурузной каши, подсолнечнаго и конопляннаго жмыховъ, — количество потребляемаго хлѣба можетъ быть уменьшаемо и сама пища улучшаема.

Другая невыгода та, что столовыя обезпечиваютъ отъ голода только нѣкоторыхъ слабыхъ членовъ семьи, а не молодыхъ и среднихъ людей, которые не посѣщаютъ столовыя, считая это для себя унизительнымъ. Такъ, при опредѣленіи тѣхъ лицъ, которыя подлежатъ кормленію въ столовыхъ, крестьяне всегда исключаютъ взрослыхъ парней и дѣвушекъ, считая это для нихъ стыднымъ. Невыгода эта выкупается тѣмъ, что именно стыдливость эта передъ пользованіемъ столовыми предотвращаетъ возможность злоупотребленія ими. Приходитъ, напримѣръ, крестьянинъ, требуя себѣ прибавки выдачи мѣсячной и утверждая, что онъ два дня не ѣлъ. Ему предлагаютъ ходить въ столовую. Онъ краснѣетъ и отказывается, а между тѣмъ, такого-же возраста крестьянинъ, оставшись безъ всякихъ средствъ и не нашедшій работы, ходитъ въ столовую. Или другой примѣръ: женщина жалуется на свое положеніе и проситъ выдачи. Ей предлагаютъ посылать свою дочь. Но дочь уже невѣста, и женщина отказывается посылать её. А между тѣмъ, дочь-невѣста той самой попадьи, о которой я упоминалъ, ходитъ въ столовую.

Третья невыгода и самая большая состоитъ въ томъ, что нѣкоторые слабые, старые и малые, и раздѣтыя дѣти не могутъ ходить, особенно въ дурную погоду. Неудобство это устраняется тѣмъ, что не могущимъ ходить носятъ тѣ, которые ходятъ изъ того-же двора, или сосѣди.

Больше я не знаю невыгодъ или неудобствъ.

Выгоды-же столовыхъ слѣдующія.

Пища безъ сравненія лучше и разнообразнѣе, чѣмъ та, которая приготовляется въ семьяхъ. Есть возможность примѣнять болѣе дешевыя и здоровыя пищевыя средства. Пища пріобрѣтается по болѣе дешевымъ цѣнамъ. Топливо на печеніе хлѣбовъ—

сберегается. Семьи самыя бѣдныя, тѣ, у которыхъ устраиваются столовыя, совершенно обезпечиваются. Исключается возможность неравенства полученія пищи, часто встрѣчающаяся въ семьяхъ по отношенію къ нелюбимымъ членамъ; старые и дѣти получаютъ соотвѣтствующую ихъ возрасту пищу. Столовыя, вмѣсто раздраженія и зависти, вызываютъ добрыя чувства. Злоупотребленія, т. е. полученія пособій тѣми лицами, которыя менѣе нуждаются въ нихъ, можетъ быть менѣе, чѣмъ при всякомъ другомъ способѣ помощи. Предѣлы злоупотребленій, могущихъ быть въ пользованіи столовыми, положены размѣрами желудка. Человѣкъ можетъ перебрать муки, сколько хочетъ, но съѣсть никто не можетъ больше очень ограниченнаго количества. И, главное, самое важное преимущество столовыхъ, ради котораго одного можно и должно вездѣ заводить ихъ, то, что въ той деревнѣ, гдѣ есть столовая, не можетъ заболѣть и умереть человѣкъ отъ недостатка или недоброкачественности пищи, не можетъ быть того, что къ несчастью повторяется безпрестанно: старый, слабый человѣкъ, больной ребенокъ, нынче, завтра получая дурную и недостаточную пищу, гаснетъ, чахнетъ и умираетъ, если не прямо отъ голода, то отъ недостатка хорошей пищи. И это самое важное.

На-дняхъ, желая избѣжать тѣхъ разбирательствъ, которыя происходили въ прежде открытыхъ столовыхъ, о томъ, кому ходить и кому не ходить, мы, во вновь открываемой столовой, воспользовались собравшейся по ихъ дѣламъ сходкой и предложили самимъ крестьянамъ рѣшить, кому пользоваться столовыми. Первое мнѣніе, выраженное многими, было то, что это невозможно, что будутъ споры, ссоры и они никогда не сойдутся. Потомъ высказано было мнѣніе о томъ, что пусть ходитъ съ каждаго двора по человѣку. Но мнѣніе это скоро было отвергнуто. Есть дворы, гдѣ ходить некому, и есть дворы, гдѣ не одинъ, а много слабыхъ. И потому согласились принять наше предложеніе — положиться на совѣсть. „Будутъ готовить на 40 человѣкъ, а кто придетъ— милости просимъ, а съѣдятъ все—не взыщите“. Мнѣніе это одобрили. Одинъ сказалъ, что здоровый, сильный человѣкъ и самъ постыдится придти заѣдать сиротскую долю. На это однако возразилъ недовольный голосъ: и радъ бы не пошелъ, да поневолѣ пойдешь, какъ я намедни два дня не ѣлъ.

Вотъ это-то и составляетъ главное преимущество столовыхъ. Кто бы онъ ни былъ—записанный или не записанный въ крестьянское общество, дворовый, кантонистъ, солдатъ, Николаевскій или Александровскій, попадья, мѣщанинъ, дворянинъ, старый, малый, или здоровый мужикъ, лѣнтяй или трудолюбивый, пьяница или трезвый, но человѣкъ, который два дня не ѣлъ, получитъ мірскую пищу. Въ этомъ главная выгода столовыхъ. Тамъ, гдѣ онѣ есть,

никто не только не можетъ умереть съ голоду, но никто не можетъ голоднымъ быть принуждаемъ въ работѣ.

Мотивами большаго или меньшаго труда могутъ быть все, что хотите, но только не голодъ. Можно животныхъ дрессировать голодомъ и заставлять дѣлать противныя ихъ природѣ дѣла, но пора понять, что стыдно заставлять людей дѣлать не то, чего они хотятъ, а то, чего мы хотимъ, посредствомъ голода.

Но возможно ли вездѣ учрежденіе столовыхъ? Есть ли это мѣра общая, которая можетъ быть приложена повсюду и въ большихъ размѣрахъ? Сначала кажется, что нѣтъ, что эта мѣра только частная, мѣстная, случайная, которая можетъ быть приложена только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, тамъ, гдѣ найдутся особенно расположенные къ такому дѣлу люди. Такъ и я думалъ сначала, когда воображалъ, что для столовой придется нанять помѣщеніе, кухарку, купить посуду, придумывать и опредѣлять—какую, когда и на сколько человѣкъ готовить пищу; но тотъ пріемъ столовыхъ, который, благодаря Н. И. Раевскому, установился теперь, устраняетъ всѣ эти затрудненія и дѣлаетъ эту мѣру самой доступной, простой и народной.

Съ нашими небольшими силами и безъ особеннаго усилія, мы въ 4 недѣли открыли и пустили въ ходъ, въ 20 деревняхъ, 30 столовыхъ, въ которыхъ кормятся около 1500 человѣкъ. Сосѣдка же наша, Н. Ф., одна въ продолженіи мѣсяца открыла и ведетъ на тѣхъ же основаніяхъ 16 столовыхъ, въ которыхъ кормятся не менѣе 700 человѣкъ.

Открытіе соловыхъ и наблюденіе за ними не представляетъ никакихъ трудностей, содержаніе ихъ стоитъ только немного дороже того, что стоитъ выдача муки, если она выдается въ количествѣ 30 ф. на мѣсяцъ. (Хотя мы вѣрно еще не учитывали, но полагаемъ, что содержаніе одного человѣка въ столовыхъ обойдется ни въ какомъ случаѣ не дороже 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ).

Мѣра эта (устройство столовыхъ), не вызывая дурныхъ чувствъ въ народѣ, а напротивъ вполнѣ удовлетворяя его, достигаетъ главной цѣли, которая стоитъ теперь передъ обществомъ,—обезпеченія людей отъ возможности голодной смерти, и поэтому должна бы быть принята вездѣ. Если могутъ земцы—попечители и администрація учитывать крестьянскій достатокъ и, запасая хлѣбъ, выдавать его нуждающимся, то безъ сравненія меньше труда стоило бы тѣмъ же людямъ устраивать склады для продовольствія столовыхъ и самыя столовыя.

На-дняхъ насъ посѣтилъ калужскій житель, привезшій въ нашу мѣстность слѣдующее предложеніе: нѣкоторые помѣщики и крестьяне Калужской губерніи, богатые кормами для скота, сочувствуя положенію крестьянъ нашей мѣстности, принужденныхъ раз-

ставаться за безцѣнокъ съ своими лошадьми, которыхъ они за удесятеренную почти цѣну не купятъ весной, предложили взять къ себѣ на зиму, на кормъ, 10 вагоновъ, т. е. 80 лошадей изъ нашей мѣстности. Съ лошадьми поѣдутъ выборные изъ тѣхъ деревень, изъ которыхъ будутъ взяты лошади, сведутъ ихъ до мѣста и вернутся назадъ. Весной опять выборные поѣдутъ за лошадьми и привезутъ ихъ назадъ.

На другой день послѣ этого предложенія, въ двухъ деревняхъ, въ которыхъ оно было объявлено, заявилось охотниковъ на отправку всѣхъ 80 лошадей, и все молодыхъ и хорошихъ. Съ тѣхъ поръ, каждый день приходятъ еще и еще крестьяне, прося взять и ихъ лошадей.

Не можетъ быть болѣе сильнаго и опредѣленнаго отвѣта на вопросъ о томъ, есть ли голодъ и въ какихъ размѣрахъ. Должна же быть велика нужда, если крестьяне такъ легко разстаются съ лошадьми, довѣряя ихъ неизвѣстнымъ людямъ. Кромѣ того, предложеніе это и принятіе его для меня поразительно трогательно и поучительно. Крестьяне калужскіе, небогатые люди, для неизвѣстныхъ имъ, не виданныхъ ими братьевъ-крестьянъ, въ бѣдѣ берутъ на себя не малый и расходъ, и трудъ, и заботу,—и здѣшніе крестьяне, очевидно понимая побужденія своихъ калужскихъ братьевъ, очевидно сознавая, что въ случаѣ нужды они-бы сдѣлали то же, безъ малѣйшаго колебанія довѣряютъ неизвѣстнымъ имъ людямъ почти послѣднее достояніе,—хорошихъ молодыхъ лошадей, за которыхъ даже и при теперешнихъ цѣнахъ, они все-таки могли-бы взять 5, 10, 15 рублей.

Еслибы хоть сотая доля такого живого братскаго сознанія, такого единенія людей во имя Бога любви—была во всѣхъ людяхъ, какъ легко, да не только легко, но радостно перенесли бы мы этотъ голодъ, да и всѣ возможныя матеріальныя бѣды!

Левъ Толстой.

26 Ноября, 1891 г.
Бѣгичевка, Данковскаго уѣзда.

Дозволено цензурою. Москва, 4 января 1892 г.

Высоч. утвержд. Т-во Скоропечатни А. А. Левенсонъ. Петровка, д. Левенсонъ.

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
O sredstvakh pomoshchi naseleni
891.73 T6540
D90355206U